

Эли Берте

Дрожащая скала

Эли Берте

Дрожащая скала

«Public Domain»

1851

Берте Э.

Дрожащая скала / Э. Берте — «Public Domain», 1851

Роман Эли Берте «Дрожащая скала» открывает перед нами трагические страницы новой истории Франции – революцию и последовавшее за ней правление Наполеона. В центре романа страстная любовь молодых людей, которая противостоит натиску бурных исторических событий конца XVII – начала XIX веков...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Эли Берте

Дрожащая скала

Часть первая

Глава 1

Владелец и его мажордом

В приморской стороне Бретани, на пушечный выстрел от берега, есть уединенный островок, имеющий в окружности много лье; называется он островом Лок.

Мы могли бы представить читателю более точное описание широты и долготы этого малоизвестного уголка земли, но поскольку подобные подробности совершенно не составляют необходимости, то ограничимся только замечанием, что остров Лок являлся прежде частью берега, от которого, по всей видимости, оторван был каким-нибудь наводнением во времена давно минувшие.

Вид островка дик и пустынен. Северная часть, плохо защищаемая обвалившимися утесами от морского ветра, представляет глазу одни пустыри и бесплодные долины. Центр покрыт густым лесом и столетними дубами, медленно растущими на каменистой почве, и только к югу несколько тощих полей вяло производят гречиху и другие злаки. Жители тоже небогаты и немногочисленны. Все они помещаются в одной плохонькой деревушке из двадцати домов, стеснившихся на берегу мелкой губы, служащей портом острову Лок. Одна лишь церковь в готическом стиле с одной из тех изящных сквозных колоколен, которые встречаются даже в самых бедных бретонских деревнях, напоминает французское христианское селение среди этих низких полуразвалившихся и неопрятных лачужек, похожих на шалаши дикарей. Пристань против деревни почти всегда пуста, исключая то время, когда отплывают и возвращаются четыре или пять рыбачьих лодок, вытаскиваемых на песок посредством старого, врытого в землю ворота. В остальное время порт предоставляется в полное распоряжение оборванных ребятишек, играющих на песчаном берегу, и морских птиц, которые с пронзительными криками вьются над невысокими и дробящимися в фарватере волнами.

Между тем это место, ныне столь печальное и пустынное, имело, кажется, большую важность в те отдаленные времена, которые предшествовали завоеванию Галлии римлянами. На каждом шагу в этих безлюдных долинах встречаются какие-либо грубые следы друидского богослужения, и все доказывает, что Лок был некогда предназначен для религиозных мистерий кюриозолитов и венетов. Тут находятся покрытые дерном курганы, заключающие в себе кости храбрых кельтских воителей; далее стоят ряды гранитных обрубков, наподобие карнакских и камаретских дольменов икромлехов, и есть здесь другой, еще более любопытный памятник, о котором мы скоро расскажем.

Всюду встречаешь напоминания о том варварском периоде, мрачная поэзия которого так хорошо подходит этим диким местам. Тут, без сомнения, девы Сейна золотыми серпами пожинали вербену себе на венцы или селяго для своих чар. Подле этих ветвистых дубов эвбеи в белых одеждах собирали священную омелу в Новый год. Это разбитое громом дерево с почерневшим стволом, может быть, посвящено было страшному Ирминскулу¹, а тот высеченный в каменном столе желоб предназначен был для стока крови человеческих жертв. Об этих полу-

¹ В древних религиях – мировое дерево, древо жизни и судьбы.

развалившихся остатках другого времени ходит множество преданий между суеверными бретонцами, крестьянами и рыбаками, посещающими остров Лок. Святые и феи, добрые духи и демоны играют, как водится, большую роль в местных легендах, где без разбору смешивается священное с нечестивым. Несмотря на это, когда путешественник более просвещенный, привлеченный любопытством или бездельем, слушает эти мрачные легенды перед древними памятниками, их породившими, ему невольно навевается какое-то тяжелое и печальное чувство, похожее на почтение. Но даже не восходя к таким отдаленным временам, как кельтская эра, маленький островок знал когда-то лучшие дни. Перед наступлением революции – я имею в виду революцию 1789 года, а то теперь, пожалуй, можно и запутаться – он составлял дворянский лен, принадлежавший одной из знаменитейших в провинции фамилий. Эта фамилия, существовавшая, если верить ее родословному древу, задолго до прихода Цезаря в Галлию, к описываемому времени потеряла изрядную долю своего прежнего блеска. Из многих поместий и маркизатов во владении ее мало-помалу остался один только островок Лок, скромный участок, который в былое время представители фамилии едва удостоивали упоминания в ряду своих пышных титулов. Самой фамилии грозило совершенное прекращение, как будто бы она не могла пережить потери своих великолепных владений. В то время, о котором мы говорим, глава прямой линии, старый видам де Кердрен, бывший президент рейнского парламента, умер, оставив наследником имени и остатков своего состояния племянника, Альфреда Кердрена, молодого человека двадцати лет, которого усыновил и всегда почитал за сына.

* * *

Альфред де Кердрен, сын бывшего бригадира королевской армии, рано остался сиротой и всем был обязан благодеяниям своего дяди. В то время, когда добрый видам, удрученный годами и недугами, почувствовал приближение своей кончины, Альфред был в Париже, где оканчивал курс словесных наук в Наваррском коллегиуме. Поспешно вызванный для принятия последнего благословения от своего почтенного благодетеля, он успел застать его в живых и закрыл ему глаза, а глубокая скорбь, которую он чувствовал от этой потери, свидетельствовала о благородстве и доброте его сердца.

Сделавшись, таким образом, в двадцать лет хозяином своих поступков, Альфред тем не менее понял ложность своего положения. Он, как и всякий человек с добрым сердцем, имел похвальное намерение быть полезным своему отечеству, но одинокий в мире, без советов, без покровителей, что мог он сделать! В другую эпоху он, быть может, и нашел бы могущественных друзей, которые проложили бы ему дорогу, но тогдашнее время не благоприятствовало аристократии. Как мы уже сказали, начиналась революция, и хотя первые удары ее были не очень страшны, можно было, однако, предвидеть, с какой ужасной силой в скором времени предстоит ей разразиться. Итак, молодой дворянин почел за лучшее потерпеть до той поры, когда общество, пошатнувшееся в своих монархических основах, немного поуспокоится, что, как думал он, случится скоро. А пока он занялся управлением скромным наследством своего дяди и поселился в небольшом господском доме, который упорно величался замком де Лок.

Этот сурового вида дом возвышался на северной стороне острова и, по-видимому, построен был в ту эпоху, когда выгоды комфорта и здоровья не принимались в рассмотрение архитекторами и владельцами. Это было одноэтажное строение с узкими окнами, с массивными каминами, предназначенное первоначально быть сборным местом для сеньоров де Кердрен, когда они из своих пышных замков на твердой земле случайно заезжали на островок позабавиться охотой на морских птиц.

Во время бурь стихии яростно бушевали вокруг дома. Море билось о прибрежные скалы с шумом, подобным грому; ветры выли и бросались на тяжелое строение, как бы желая вырвать его с основанием. Чтобы покончить с этим неудобством, один из предков Альфреда возымел

мысль насадить вокруг дома множество деревьев, но от этого не прибавилось ни тишины, ни спокойствия для жилища. Шум бурь еще больше увеличивался от треска и жалобных стонаний старых деревьев; бывали минуты, когда в покоях замка едва слышен был голос человеческий.

Судите же теперь о том, что должен был испытывать Альфред в долгие зимние вечера, когда он оставался почти один в этих печальных развалинах, где сосредоточивалось для него столько воспоминаний! Почти в эту же эпоху другой молодой бретонец, заключенный, подобно ему, в старом родовом замке, внимая высокой гармонии природы, открыл в себе поэта и готовился сообщить миру новое чувство, столь грустное и сладкое, которое называли меланхолией.

Но Альфред де Кердрен не имел ни высокого поэтического вдохновения, ни гения своего бессмертного соотечественника Шатобриана. Напротив, никогда более легкомысленный, более веселый и беззаботный юноша не попирали земли острова Лок. Кроме воспоминаний о почтенном виде, омрачавших время от времени его мысли, он без мизантропии выносил эту пустынную и уединенную жизнь. Шум бурь не тревожил его сна, когда, проведя день на охоте или на рыбной ловле, он вечером возвращался домой и ложился в своей комнате со старинной резной дубовой мебелью. Жизнь деятельная поглощала в нем жизнь созерцательную; дни и месяцы проводил он с той беззаботностью, на которую способна только юность, полная крепости сил и веры в долгую будущность. Хотя он был совершенным властелином этого островка, и хотя все тут оказывали ему почтение и безграничное повиновение, тем не менее веселый Альфред не имел обыкновения демонстрировать свое достоинство вассалам. Честолюбие его состояло только в том, чтобы превзойти всю окрестную молодежь в телесных упражнениях; не гнушался он вмешиваться в игры своих земляков на приходских праздниках, где его всегда принимали с живейшей радостью.

Простой и нецеремонный с низшими, он с удовольствием говорил с ними на местном наречии, за что не позволявшие себе популизма дворяне прозвали его бретонствующим бретонцем. Но насколько молодой владелец острова Лок ласков был к крестьянам, настолько же выказывал он холодности и осторожности к соседям буржуа. Напротив Лока, на твердой земле, был значительный городок, называемый Сент-Илек. Проживали там чиновники, зажиточные домовладельцы со своими семействами, наконец, то, что обыкновенно в провинциальной глуши называется обществом. Альфред де Кердрен довольно охотно бывал на собраниях сент-илекской буржуазии, но тут он выказывал во всей строгости те привилегии, которые давали ему знатное имя и сорок поколений предков. Гордый, презрительный, иногда даже колкий с мужчинами, свои прекрасные манеры и свойственную ему грациозность сохранял он только с женщинами, из которых многие были молоды и прелестны. В особенности он старался выказывать свои права перед теми, которых почитал способными их оспаривать. Но благодаря обаянию, окружавшему имя потомка де Кердренов, даже в эту эпоху новомыслия ему охотно прощали аристократическую гордость. Особенно женщины извиняли ему эту спесь, которая, обнаруживаясь в полной силе в отношении к сильному и тиранскому полу, перед ними одними исчезала или превращалась в учтивость.

Таково было физическое, моральное и социальное положение Альфреда де Кердрена в то время, когда начинается эта история.

В одно октябрьское утро Альфред, снаряженный по-охотничьи, с превосходным двустольным ружьем под мышкой, с прекрасной испанской собакой, бежавшей перед ним и весело лаявшей, вышел из дома на любимое свое занятие – охоту. Зеленый кафтан с серебряными пуговицами, темные казимировые панталоны и плотно стянутые туфли не скрывали прекрасных и мощных форм его тела. Треугольная шляпа, надетая несколько набекрень на напудренные волосы, придавала лицу его выражение упрямое, даже слегка дерзкое, что прелесть как шло ему. К великому сожалению Альфреда, ни один волос не украшал его юношеского подбородка, и, хотя мужественные черты его лица и черные глаза свидетельствовали об известной энергии характера, выражение это обыкновенно скрывалось у него под видом весе-

лости и живости. Идя, он весело напевал какую-то охотничью песню, между тем как вертлявая собака чертила вокруг него большие круги, как бы разделяя его веселость.

На дубах и вязах, окружавших жилище, осень успела уже высушить листья, но все-таки их было еще достаточно для создания тени и оживления пейзажа. Сильный западный ветер, поднявшийся ночью, свистел по долине, далеко унося поблекшую сухую траву. Несмотря на это, небо было безоблачно и солнце всходило на лазурном горизонте. Вдали море бороздили широкие, зеленоватые валы, увенчанные хлопьями пены.

Альфред шел той дорогой, которая вела к деревне, столице острова, и достигнув покрытой лесом возвышенности, откуда виднелась деревушка с ее готической церковью, маленький порт с его барками, лениво лежавшими на сухом песке, канал с его утесами и туманные берега континента, он остановился и, по-видимому, заколебался, какое ему взять направление. Он уже хотел было повернуть налево по тропинке, углублявшейся в самую отдаленную часть его владения, когда, взглянув вниз, увидел человека, быстро взбиравшегося по крутой возвышенности. Тотчас Альфред положил наземь свое ружье и с улыбкой на губах стал поджидать идущего, чья быстрая походка не соответствовала тайной мысли, его занимавшей.

Подходившему на вид можно было дать под шестьдесят, и костюм его был весьма привычен в округе: штiblеты, широкие панталоны, кафтан, длинный жилет, шляпа с большими полями и висящие по плечам волосы; все платье на нем было черного цвета, из сукна гораздо более тонкого, чем то, какое обыкновенно носят бретонские крестьяне. Кроме того, от простых обитателей острова Лок он значительно отличался и сановитостью вида. Альфреду нетрудно было узнать в нем старого Конана, побелевшего на службе его фамилии и со смертью видама сделавшегося его управителем, мажордомом, поверенным, наконец, первым министром его миниатюрного правительства.

– А! Конан! – весело сказал он по-бретонски, как только старик смог слышать его. – Что это у тебя такая растрепанная фигура и такой зловеющий вид? Готов пари держать, что ты опять политиканствовал там с этими сент-илекскими ротозеями? Так, так, ну, что же, правда ли, как ты утверждал три дня тому назад, что король подвел мину под Париж и взорвал его на воздух на двести футов?.. Ну-ка, открывай и развязывай свою суму проворнее: что нового нынче утром?

Конан обнажил свою седую голову и почтительно поклонился ветреному своему господину.

– Над вестями, которые я принес теперь, нечего смеяться, сударь, – сказал он многозначительным тоном, – тут скорее надобно плакать... Это не оттуда совсем... Говорят, разбойники-то парижские пошли силою на Версаль, перебили королевскую стражу и взяли в плен короля, королеву и дофина...

Несмотря на обычную свою беззаботность, Альфред вздрогнул:

– Возможно ли? – вскричал он. – Королевская фамилия в плену... Стража... И что говорят, много ли побито храбрых солдат?

– Ах, сударь, много... больше двухсот тысяч...

Этой цифры было достаточно для полного разуверения молодого де Кердрена. Он громко захохотал.

– Ну! Ну! Верно, так же перебили стражу и пленили королевскую фамилию, как взорвали Париж... Довольно об этом. Я теперь хочу пошататься по берегу около Пьер-Леви. По этому западному ветру там непременно должны быть черные утки, и до прилива я, верно, сделаю несколько добрых выстрелов.

– Ах, сударь, сударь, – сказал Конан печально, – время ли думать об охоте?.. Вы все не верите мне, я вижу, а между тем вокруг вас такое делается... Соседние замки пустеют один за другим, сударь, – продолжал он, возвысив голос. – Я узнал, что еще эмигрировали – как это называют – граф де Керкарадек, маркиз де Леневи и почтенные дамы семейства де ла Мария.

– Ты все толкуешь мне, мой добрый Конан, о стариках да о женщинах, которых малейший случай должен пугать до полусмерти, потому что они богаты и беззащитны; но мне-то чего бояться здесь, у себя, всех этих революций и революционеров? Кто подумает беспокоить меня на этой заброшенной среди океана бесплодной скале! Я могу спокойно продолжать охотиться в своих владениях.

– А между тем, что бы вы стали делать, сударь, если бы в одно прекрасное утро пришли в Лок, чтобы завладеть островом и убить вас?

– Что бы я сделал, черт возьми! Я вооружил бы шесть своих вассалов, назначил бы своего храброго Конана главнокомандующим и во главе этой армии мужественно напал бы на неприятеля... Враг должен был бы быть воплощенным дьяволом, если бы я в одно мгновение не сбросил его в море!

И Альфред снова разразился хохотом. На этот раз старый управитель, казалось, вовсе не воспринял дурно веселость своего господина.

– Именно эта мысль и должна была прийти вам в голову, – сказал он с видимым удовольствием. – Вы достойный преемник храбрых де Кердренов, которые были в постоянной войне со своими родственниками и соседями... И осады всегда были благоприятны вашему роду, ни один замок ваших предков не был осажден без того, чтобы из этого не вышло для них какой-нибудь огромной выгоды... Да, да, вы правы: осада была бы полезна, она весьма возвысила бы честь фамилии в теперешние времена!

Хотя владелец острова Лок давно привык к странностям своего мажордома, однако не мог скрыть своего удивления, видя, что тот принял шутку за нечто серьезное.

– Как, Конан, – спросил он, – если бы в самом деле мне пришла мысль сопротивляться, неужели ты думаешь, что я нашел бы здесь людей, расположенных меня защищать?

Глаза старика воодушевились:

– Святой Ив и святой Ифлам, блаженные мои патроны! – вскричал он. – За одного я всегда могу отвечать вам!.. Пока Кердрен будет жив, он всегда найдет Конана готовым защищать его!.. А вассалы, – продолжал он, грозно сжав палку, которая была у него в руке, – желал бы я видеть, как они призадумаются! Да если эти презренные трусы не дадут убить себя до последнего, я сам это сделаю... Впрочем, надобно отдать им справедливость, они все до одного любят вас... Конечно, и есть за что: вы так их балуете! Оказываете им столько чести, позволяя... Но вы не желаете, чтобы говорили об этом!

И добряк испустил вздох, похожий на стенание.

– Ну вот, ты опять возвращаешься к тому, в чем мы с тобой не можем согласиться, – возразил Альфред с легким оттенком недовольства. – Ты постоянно укоряешь меня зато, что я вмешиваюсь в упражнения и игры здешней молодежи; а между тем сколько раз я тебе твердил, что предки мои, самые древние, главы моего рода никогда не пренебрегали оспаривать даже у черни первенство в беге, борьбе, в ловкости провести лодку во время бури и нисколько не считали это для себя унижительным.

– Очень хорошо, монсеньер! Но воля ваша, а я не одобряю, что потомок владельцев Кердрена, Легониде, Сен-Мена и других мест собственными руками гребет на какой-нибудь негодной лодке, как это вы делали в последнюю бурю, когда со стариком Пьером и его сыном возвращались с рыбной ловли, или что он позволяет потчевать себя кулаками какому-нибудь остолопу Ивону Рыжему, как это недавно было на празднике в Сент-Илеке.

– Но, старый мой дурак!.. Извини меня, мой добрый Конан, я виноват... Право, ты хоть кого выведешь из терпения своими преувеличенными понятиями о моем личном достоинстве. Ты подумай, что в тот день, когда я работал на лодке там в проливе, этот ужасный шквал угрожал нам смертью. Если бы я не помогал своим двум товарищам, то мне, владельцу Кердрена, Легониде, Сен-Мена и других мест, наверное, пришлось бы пойти ко дну и покормить собой морских свиней... Что же касается Ивона, который, как ты говоришь, поколотил меня в Сент-

Илеке, я честно отплатил ему той же монетой: я так жестоко швырнул его оземь, что бедняга еще и до сих пор ходит с вывихнутым плечом... Будь уверен, этот урок поубавит ему дерзости, а честь, которую я ему оказал, померившись с ним, он, верно, намного оценит, хотя я и оставил ему приз борьбы, состоявшийся, как помнится, из пары чудесных подбитых гвоздями башмаков.

– Слушаю, сударь, – сказал Конан почтительно, хотя по голосу заметно было, что он вовсе не убежден доводами своего господина. – Вы лучше меня знаете, что хорошо... А насчет того, – прибавил он с таинственным видом, – о чем мы сейчас говорили, я заверяю вас, что я уже сделал навсякий случай некоторые распоряжения. Я спрятал в подвале замка немного пороха и несколько ружей, и если нас дерзнут атаковать...

– Хорошо, хорошо, мы еще не дошли до этого, страшный и воинственный Конан. А пока нам не пришлось тратить свой порох на революционеров, до тех пор я пойду изведу его немного на уток. Вот поднимается волна, а ты знаешь, что утка прячется, когда море бушует.

Этот разговор, как мы сообщили, происходил на пустынном холме, подверженном сильному ветру, свистевшему с моря, а с холма виднелся канал острова Лок. В ту минуту, когда Альфред, сделавши Конану дружеский знак, намеревался отправиться на охоту, старик указал ему на две лодки, что плыли к острову от сент-илекского берега, с усилием борясь с приливом.

– Послушайте, сударь, – сказал он, – по какому случаю направляются к нам оттуда эти посетители?

– Посетители? – повторил Кердрен, проворно оборачиваясь. Но на этом расстоянии глаза его не могли различить лиц тех, кто находился в лодках. Конан, несмотря на свои лета, углядел больше.

– Ставлю бутылку доброго вина против кружки кваса, – сказал он, прикрыв глаза ладонью, чтобы защитить их от солнца и ветра, – что этот большой детина в черном рединготе, которого я примечаю в первой лодке, – Туссен, старый сент-илекский нотариус, который воображает, что лучше нас с вами знает историю нашего острова... Потом какие-то другие господа и нарядные дамы, которых я еще не могу рассмотреть в достаточной степени, чтобы узнать их поименно.

– И дамы, говоришь ты? – вскричал Альфред. – Что же это в самом деле?.. Ах да... А я совсем и забыл, преспокойно отправляясь себе на охоту, черт возьми! Эдак чего доброго можно перессориться со всем городом, а в такое время это было бы большим безрассудством...

– Что вы говорите, сударь? – с беспокойством спросил Конан. – В чем же дело?

– В чем? Третьего дня был я у Туссена, нотариуса, в многочисленном обществе. Говорили об исторических диковинках нашего острова, и многие из присутствовавших, возбужденные педантским пустословием Туссена, выразили желание видеть их... Особенно дамы обнаруживали большое усердие проделать опыт над Дрожащей Скалой, к которой, как тебе известно, мы неохотно дозволяем приближаться всякому...

– Над Дрожащей Скалой? Талисманом вашей фамилии? – повторил с упреком старик. – Ах, сударь, это похоже на осквернение святыни!

– Суеверие совсем вскружило тебе голову, да и другим... Я знаю лучше всякого, что такое Дрожащая Скала... потому всех, которые там были, я пригласил на остров посетить наши друидические камни.

– И обедать, может быть? – спросил Конан.

– Нет, успокойся... Это значило бы убить тебя и кухарку Ивонну, а я дорожу своими служителями. Нет, я положительно не приглашал этих людей на обед; однако, проводивши их целый день по острову, трудно будет мне не предложить им некоторого подкрепления, скромного завтрака, например...

– Точно, сударь, это надобно! – продолжал Конан в волнении. – Иначе, что бы подумали о нас? Да, надобно получше угостить этих мещан, но как это сделать? Времени остается так

мало! У нас нет ни провизии, ни серебра, ни посуды... Ах, сударь, если бы вы хоть вчера только сказали...

– Ну, не взыщут с меня за мое холостяцкое хозяйство, не робей, мой добрый Конан, и поправь поскорей мою оплошность... В погребе есть несколько бутылок старого вина, в коп-тильне – немного ветчины, не говоря о той прекрасной дичи, которую я настрелял вчера на Сен-Жильском берегу. Ну, в дорогу, Конан! Беги проворнее в замок и уладь там все с Ивонной, если не хочешь, чтобы все погибло, даже честь!

– Бегу, сударь, и все будет устроено как нельзя лучше... вы ведите их подальше, чтобы дать нам время. Я позову на помощь Пьеретту, дочь тетушки Гой. Но вы-то, сударь, – продолжал он, осматривая своего господина с наивной заботливостью, – неужто вы гостей-то будете принимать в этом измятом платье, в этих запыленных сапогах и этой нескладной шляпе?

– Что за нужда? – отвечал Альфред, слегка отряхивая платье ручкой своей охотничьей плети. – Для них сойдет и так... Но одну минутку, Конан. У тебя такие зоркие глаза, что я еще хочу испытать их... Не можешь ли ты разглядеть какой-нибудь из тех дам, которые там в лодках?

– Как не разглядеть, сударь. В одной сидит мадемуазель Флора Туссен, сестрица нотариуса, и несколько других, которых я никогда не видывал. В другой я различаю госпожу Лабар... Знаете ее? Вдову того прежнего корсара, что умер два года тому назад в Сент-Илеке и оставил своему семейству пропасть добра, которому, может быть, лучше бы достаться в другие руки.

– Госпожа Лабар, говоришь ты? Из женщин она одна в этой лодке?

– Нет, нет, сударь... теперь и вы можете видеть, как я, другую женщину, помоложе и постатнее, которая всякий раз жмет к ней, как волна покачнет лодку. Это, верно, мадемуазель Жозефина Лабар, самая красивая девушка в здешней стороне, говорят.

– Жозефина! – вскричал молодой человек в радостном восторге. – И она тоже! Возможно ли, после того, что произошло между нами? Так она не сердится на меня!.. Я несмел надеяться... Твердо ли ты уверен, что узнал мадемуазель Жозефину Лабар?

– Твердо, сударь, – отвечал управитель, с беспокойством глядя на него.

– Итак, я не ошибся! Потому что и я тоже угадал ее, сердце мне говорило... Но поспешим: надобно приготовиться учтиво принять посетителей... Я передумал, Конан, и хочу идти вместе с тобою в замок: в этом костюме неприлично принимать дам... Идем же, идем проворнее.

Он схватил ружье под мышку и начал подниматься по тропинке с такой скоростью, что Конан едва поспевал за ним. Через несколько минут бедняга совсем выбился из сил и почти задышался. Альфред заметил это, хотя и был занят своими мыслями.

– Не спеши так, мой старый друг, – сказал он, – ты можешь догнать меня позже.

– Да, если позволите, сударь... ноги-то у меня уже не двадцатилетние!

– Так до свидания...

И он принялся бежать к замку, сопровождаемый своей собакою, которая, казалось, немало была удивлена этой неожиданной переменой направления.

Глава 2

Буржуа города Сент-Илека

Между памятниками кельтского происхождения, сохранившимися на острове Лок, был один, гораздо любопытнее других. В предыдущей главе мы только вскользь упомянули о нем, но по важной роли, которую он играет в нашем рассказе, памятник этот требует подробного описания! То был огромный камень, стоявший на скате крутого берега на некотором расстоянии от замка. Он был овальной формы, гладкий и поставлен так удивительно, что самой слабой, даже детской руки достаточно было для сообщения ему заметного качательного движения. Само собой разумеется, что людям, не знающим законов механики, это казалось истинным чудом. По этому чудесному свойству камня его и прозвали Дрожащей Скалой.

Диковинки подобного рода не редкость в Европе. Во Франции одни из них кажутся прихотью природы, другие – произведением искусства. Среди первых можно указать колеблющийся камень в окрестностях Кастре в Лангедоке и Вейзскую скалу в Оверни. Камней второго рода еще больше: их находят в Пикардии, в Вандее, в Бретани и во многих других уголках, где почиталась древняя друидская религия.

Думают, что галльские жрецы, водружавшие эти камни, так же как и дольмены, употребляли их для испытания женщин, подозреваемых своими мужьями или семействами. Если камень после продолжительных и торжественных заклинаний повиновался толчку испытуемой и качался приметно, то подозрение бывало побеждено. Но если он оставался неподвижным – что могло случиться, когда обвиняемая не умела заслужить благорасположения друидов, представленных для хранения памятника, – то горе виновной супруге или согрешившей девице! Проклятие и презрение целого племени, часто кровавая месть мужа или брата были обычным следствием такого испытания.

По тому, что мы теперь рассказали, легко можно составить себе понятие о том глубоком ужасе, который эти испытательные камни внушали ушедшим поколениям, и не покажется удивительным, что в такой стране, как Бретань, где древние предания переходят из века в век с необыкновенной точностью, нечто подобное осталось и доньше. Доподлинно известно, что нынешние бретонцы сохраняют к фонтанам почтение, восходящее к предкам их, кельтам. Подобным образом и колеблющиеся камни сохраняли то устрашающее обаяние, которое они имели до христианства. Некоторые из них и доселе еще носят название «девических камней», и в тех местах, где они находятся, ни одна женщина с мало-мальски нечистой совестью не осмелится подвергнуться испытанию этого непогрешимого талисмана.

Такие точно чудесные свойства приписывали и Дрожащей Скале острова Лок. Рассказывали тысячу историй, доказывающих прорицательную силу этого памятника, и ни один скептик не дерзал в этом сомневаться по той причине, что тогда еще не было скептиков к Бретани. Отец заставлял трепетать свою несколько легкомысленную дочь угрозой, что поведет ее к магическому камню; жена, справедливо или напрасно возбудившая подозрение своего ревнивого мужа, всегда могла войти в прежнее доверие, если только с уверенностью предлагала покориться решительному и непогрешимому испытанию. Надобно, однако, сказать правду, что к словам обыкновенно не привязывались, и таким образом невинность никогда не унижалась до этого оскорбительного оправдания.

Несмотря на все это, доверие к чудесным качествам скалы, может быть, наконец поубавилось бы, если бы хоть один раз она была изобличена в недостатке проницательности. Но очень немногие имели позволение к ней приближаться, и вера в ее непогрешимость утверждалась только понаслышке. Дрожащая Скала острова Лок, действительно, составляла частную собственность его владетелей, и они по своему аристократическому эгоизму не допускали народ пользоваться ее таинственными свойствами. С незапамятных времен в фамилии де Кердрен

было обыкновение, что в день брака одного из ее членов новобрачные с большою пышностью приезжали в замок Лок и молодая супруга подвергалась испытанию Дрожащей Скалой в присутствии всех приглашенных. Эта церемония, без сомнения, имела целью доказать, что добродетель девицы, почтенной выбором де Кердрена, должна быть очевидна для всех. Такова была сила привычки, что супруга, которая отказалась бы подвергнуться этой странной формальности, рисковала возбудить у своих вассалов самые оскорбительные подозрения. Потому все женщины этого дома, одни искренне, другие из повиновения или по обычаю подчинялись испытанию в продолжение многих поколений. Но истина требует засвидетельствовать, что никогда камень не показывал себя невежливым к своим благородным господам. Уверяют даже, что во время свадьбы одного из де Кердренов с девицей Бланкой де Карадек, слывшей чудом добродетели и благочестия, Дрожащая Скала сама собою пришла в движение прежде, нежели прекрасная Бланка дотронулась до нее, как будто свидетельствуя свое почтение молодой госпоже. Памятник такой важности не мог оставаться в распоряжении всякого, кто ни придет, поэтому один из прежних владельцев острова велел окружить его стеной и железной решеткой. Ключ от этой решетки был торжественно вручен владельцу в тот день, когда он принимал во владение лен, и он не должен был доверять его никому. В более просвещенную эпоху этот порядок оправдывал и необходимостью прекратить народное суеверие, не принимая в соображение того, что благородные собственники, завладев монополией подобного суеверия, этим самым еще более возвышали его в глазах народа. Позднее продолжали поддерживать загородку, по видимому, с единственной целью охранить от бродяг столь драгоценный остаток древности, потому что с тех пор, как фамилия Кердренов начала клониться к упадку, он редко бывал в употреблении. Таким образом, умерший видам и сам Альфред из почтения к этому камню, с которым связывались воспоминания об их предках, продолжали заботиться о его сохранении и заботливо блюли неприкосновенность его для народа.

Именно для того, чтобы посмотреть вблизи это чудо и испытать славную его прорицательную силу, городские буржуа, воспользовавшись предложением Альфреда де Кердрена, отправились на остров. Никто из тех, которые могли считать себя в числе приглашенных, не преминул принять предложения, потому что даже в 1789 году, в эпоху народного гнева против дворянства, подобная милость со стороны последнего потомка знаменитой фамилии весьма была лестной для мелкопоместных владельцев и скромных чиновников соседнего городка.

Альфред так деятельно занялся своим туалетом, что общество не успело еще появиться в узкой и мрачной дубовой аллее, ведущей к замку, как он был уже одет и полностью готов для принятия его.

Теперь на нем был бархатный кафтан, ловко опоясанный красивой дворянской шпагой, атласный жилет, кружевное жабо и черные шелковые панталоны. Новый слой пудры возвратил прическе его всю ее свежесть, а шляпу с золотым галуном он держал под мышкой. В этом щегольском костюме молодой владелец острова Лок походил на самого восхитительного пти-маркиза, который когда-либо красовался на подмостках Комической Оперы со времен Фавара.

Когда он сошел в залу, то встретил там Конана, ходившего взад и вперед с весьма озабоченным видом: старик, казалось, был недоволен этой излишней изысканностью и щеголеватостью.

— Ах, сударь, — сказал он ворчливым тоном, — вы затмите гордостью весь этот народ, оказывая им такое почтение... новый кафтан, дорогие манжеты, это уж слишком! Только что вы находили довольно приличным для них свое охотничье платье!

— Но дамы, Конан! Или ты не знаешь, что предки мои никогда не считали для себя унижительным всеми силами почитать дам без различия сословий, особенно когда они прекрасны!

— Хорошо, хорошо, сударь, — отвечал добрый управитель, обезоруженный этим намеком на наследственную вежливость Кердренов, — ваше дело молодое. Но еще одно словечко, пока не пожаловали эти мешанские господа и дамы. Не извольте, сударь, ни о чем беспокоиться:

мы с Ивонной достали все необходимое. Зададим, когда вам будет угодно, такое угощение, которое сделает честь нашему дому, уж будьте покойны.

– Браво, Конан! Браво, мой славный, находчивый сенешаль! – весело вскричал Альфред. – Постой, мой старый друг, не вздумал ли ты, однако, подать на стол картонные пирожки и восковые плоды, как ты хотел сделать на последнем приходском празднике? Гости наши могут найти эту шутку не совсем забавной.

– Вы, сударь, что-то расположены смеяться нынче утром, – сказал немного сконфуженный мажордом, – но извините меня, я отлучусь на минуту... мне еще нужно сделать кой-какие распоряжения, а потом я присоединюсь к вам и буду служить вам свитой, которая положена человеку вашего достоинства.

– Свитой? На кой черт мне свита? – спросил Альфред.

– Как на что? Коли случится приказать что-нибудь. И потом я понесу ключ от решетки... Кроме того, вы так молоды, сударь! Близ вас необходимо быть пожилому человеку, чтобы внушить этим простолюдинам, очень способным забыть расстояние, вас от них отделяющее...

– То есть быть поблизости для заглаживания безрассудств, которые я, по твоему мнению, способен наговорить или наделать, – прервал Альфред, улыбаясь. – И мой Конан скромно принимает на себя эту роль. Так и быть, делай что хочешь, старый ворчун, иди или оставайся, следуй за мной или сиди дома, только поспешай, потому что вот наши гости.

Действительно, в конце аллеи показалась довольно многочисленная группа. Конан, ворча сквозь зубы, торопливо вышел осведомиться, все ли приготовили для женского пола его адъютанты, чтобы дать посторонним высокое понятие о блеске замка Лок. Альфред, прислонившись к окну, с живым интересом всматривался в приближающихся гостей.

Их было человек пятнадцать или двадцать. Впереди всех шла известная нам особа в черном рединготе, в парике с мотающимся позади мешочком – почтенный сент-илекский нотариус Туссен. Это был высокий сухой человек, с тяжелыми манерами и напыщенной речью, пользовавшийся в краю большим почетом. Он имел известные притязания на знание истории памятников острова Лок, которые преимущественно и бывали предметом его педантских разглагольствований, где латынь, французский язык и бретонское наречие мешались как попало. Из посетителей он был ближе всех к Кердрену. Он заведовал счетной частью по имению и другими делами Альфреда. Кроме того, приглашение осмотреть остров сделано было в его доме и, так сказать, по его внушению, потому длинный нотариус по справедливости мог принять важный вид и был вправе считать себя предводителем всего общества. Он величественно жестикулировал, указывая серебряным набалдашником своей толстой палки то на замок, то на различные части острова, где находились друидские камни. Того, что он говорил, слышно не было, но по внимательному виду его слушателей можно было судить, какое глубокое впечатление производила на них его ученость.

Между этими снисходительными слушателями находился, во-первых, сын его, долговязый тощий парень, узкое платье которого еще более выказывало его остrokонечные формы; потом его клерк Бенуа, род провинциального щеголя, в костюме, доведенном до невообразимых пределов и без того шутовской тогдашней моды. Бенуа слыл за остряка; между переписыванием актов и черновых бумаг в закопченной конторе нотариуса он сочинял песенки на различные шалости и скандальные приключения, случавшиеся в тесном кругу его знакомых. Эти песенки, плохие в поэтическом отношении и сложенные на манер старинных французских романсов, тем не менее, с одобрением распевались на соседних берегах. Плутовское лицо его носило скорее выражение злобы и лукавства, чем настоящего ума, но перед глазами своего патрона он притворялся скромным, почтительным и проникался полнейшим удивлением перед огромной эрудицией честного Туссена. Только быстрый и насмешливый взгляд, бросаемый по временам в сторону и как бы искавший соучастника, свидетельствовал, что клерк-песенник не замедлит вознаградить себя за эту смертельную скуку.

Другие мужчины, по большей части мелкие собственники и торговцы, не заслуживают особенного упоминания, исключая офицера сент-илекской таможни. Это был красивый малый с длинными усами, плотный и солидный в своем желто-зеленом мундире. Он слыл за отъявленного поборника новых идей и при всяком удобном случае ораторствовал против различных злоупотреблений. Таможенный демократ был не совсем обыкновенным явлением в эту эпоху, поэтому на него указывали, как на местную редкость. Сообразуясь с обстоятельствами, он принял осторожно-принужденный вид, словно выражая немой протест против учтивого и вежливого обращения своего с молодым владельцем острова Лок.

Среди дам заметнее всех была мадемуазель Туссен, сорокалетняя старая дева, сварливая, болтливая, вечно как будто гневавшаяся на то, что не смогла найти себе мужа. Потом три или четыре девицы, или молодые женщины, более или менее невзрачные, все под прикрытием своих маменек, любопытных мешанок и больших охотниц до сплетен. Но те, которых уже давно отыскивал горящий глаз Альфреда де Кердрена среди этого бабьего эскадрона, были госпожа и девица Лабар, вдова и дочь того страшного корсара, который во время войны за независимость Америки собрал значительную дань с английской коммерции.

Мать, старая бретонка, по одежде и привычкам почти не отличалась от окрестных крестьянок. Она имела нрав угрюмый и со всеми нелепыми предрассудками времени и местности. Она составила себе славу тем, что говорила и понимала только по-бретонски, и если бы когда-то муж ее, деспотической воле которого ничто не дерзало прекословить, не решил единственную дочь их поместить в монастырский пансион, то бедное дитя также чуждо было бы отечественного языка. По причине этих недостатков на вдову корсара смотрели довольно дурно в сент-илекском обществе. Без особой протекции нотариуса, который заведовал делами госпожи Лабар, и, как говорили, лелеял тайную мысль женить сына на дочери своей клиентки, ее охотно перестали бы принимать, несмотря на ее большое богатство. Недостатки эти происходили, однако, не от злого сердца; можно было даже указать в ней много добрых человеческих качеств. Так, в небольших портах окрестных рыбаков были целые сотни негодяев, которые, хвастаясь тем, что служили под начальством ее мужа, ежегодно выманивали у нее большую часть ее дохода. Никогда госпожа Лабар не отказывала в помощи тем, кто высказывал права на ее милость, невзирая на то, справедливы они были или ложны. Таким образом, насколько не расположена была к ней буржуазия, настолько же любил ее и превозносил похвалами низший класс народа, которому она рассыпала такие постоянные и слепые благодеяния.

Этот довольно-таки непривлекательный тип старой нижнебретонской расы еще более выявлял совершенства девицы Жозефины Лабар. Стройная, высокая, с розовым цветом лица, с бархатными глазами и улыбающимся ротиком, эта молоденькая девушка была совершенством красоты, грациозности и достоинства. Она получила тщательное воспитание в монастыре, из которого вышла не более года тому назад. Говорили, и не без основания, что во всей провинции нельзя было найти такой превосходной музыкантши и такого восхитительного голоса. Но качества и таланты этой милой девушки тщательно скрывались под необыкновенной скромностью. По природной ли боязливости или по чувству ложного положения Жозефина всегда держала себя как-то принужденно. Действительно, госпожа Лабар всегда обходилась с ней не как нежная, внимательная и заботливая мать, а более как суровая дуэнья, надзор которой походил на шпионство, а заботливость – на ревнивый деспотизм. Потому Жозефина, всегда настороже против других и против самой себя, была подобна книге, закрытой для тех, кто к ней приближается. Один Альфред, несмотря на наружное легкомыслие, угадал, какие сокровища скрывались под этой стыдливой внешностью.

Мать и дочь шли, прижавшись друг к другу, и с одинаковым любопытством, если не одинаковыми чувствами, рассматривали замок Лок. Госпожа Лабар покрыта была необыкновенно широким плащом из черного этамина с капюшоном, который ветер, казалось, хотел сорвать с ее дебелых плеч.

Жозефина носила еще свой пансионерский костюм, синее шелковое платье, напоминающее чехол, с развевающимся поясом. Прекрасные русые волосы ее, разделенные пробором, перевязаны были лентой наподобие девического убора молодых шотландок и выбивались из-под маленькой соломенной шляпки. Ветер резвился с бедной девушкой и нескромно выказывал любопытным взорам ее маленькие черные башмачки с серебряными пряжками и серые вышитые чулки. Иногда она совсем исчезала в складках исполинского маменькиного плаща и потом с улыбкою из него выпутывалась.

Когда Альфред узнал ее в толпе, первым движением его было броситься ей навстречу, но опасение, как бы поступок этот не истолковали дурно, а, может быть, и сознание своего достоинства, удержали его. Только когда посетители перешли уже за решетку и взойшли на двор, он вышел встретить всех.

При виде его все поспешили снять шляпы. Один таможенный офицер, поднеся ладонь к своей каске, казалось, весьма доволен был тем, что мундир освобождал его от необходимости кланяться аристократу.

– Добро пожаловать, господа, – радушно сказал Альфред, раскланиваясь со всеми, – и вы, сударыни. Благодарю вас за оказанную мне милость, цену которой я вполне чувствую.

И, по обычаю того времени, он обнял одну за другой всех дам, слегка прикасаясь к старым и морщинистым щеками подольше останавливаясь на молоденьких и свеженьких. Последней он приветствовал Жозефину, прошептав ей на ухо:

– Очаровательница! Так вы простили меня за то, что я осмелился полюбить вас и дерзнул сказать вам об этом?

Жозефина покраснела, но Туссен, говоривший в эту минуту хозяину замка какой-то длинный и напыщенный комплимент, приготовленный на этот случай, отвлек общее внимание, и компания вошла в залу, чтобы собраться с силами для предстоящего путешествия.

Альфред поддерживал разговор с такой непринужденностью и приветливостью, которые нельзя было ожидать от столь ветреного молодого человека. Каждый получил от него какой-либо знак внимания или ласковое слово. Все были очарованы его приемом к тому времени, когда пришла пора идти осматривать достопримечательности острова.

Когда переходили двор, появился Конан с видом торжественным и величественным. К обыкновенному своему костюму он присоединил длинную рапиру, очень похожую на вертел, и носил ее с гордостью сенешаля знатного дома. Отвесив почтительный поклон, он молча поместился в десяти шагах позади своего господина.

Мы не будем входить в подробности того, что происходило в эту часть дня. Пощадим читателя от ученых рассуждений месть Туссена касательно памятников древности, рассеянных по острову и последовательно осмотренных любознательными посетителями. Исключая его сына, который его слушал, и клерка, который притворялся слушающим, остальная компания почти не обращала внимания на ученого антиквара. Предпочитали тесниться вокруг хозяина, веселая и увлекательная речь которого безмерно восхищала всех, большая часть посетителей, особенно дамы, хотели было проделать опыты над славной Дрожащей Скалой, но, по предложению Альфреда, отложили это до вечера, после обеда, или, как он говорил, *полдника*, который он предложил своим гостям.

Итак, время прошло приятно. После хорошего моциона по песчаникам и пустырям острова все с удовольствием уселись за стол, как нельзя лучше приготовленный стараниями Конана и его адъютантов, а превосходное вино, вытасченное из погребов видама, довершило доброе расположение собеседников. Так что, когда пришло время вставать и идти к Дрожащей Скале, некоторые из приглашенных, включая и самого ученого нотариуса, чувствовали себя на ногах не совсем твердо.

Несколько раз в продолжение дня Альфред пытался подойти к Жозефине и поговорить с нею без свидетелей, но будучи предметом исключительного внимания всего общества,

он никак не мог преуспеть в этом. Потому он необыкновенно обрадовался, когда общество, выходя из замка, разделилось на небольшие группы, даже пары на достаточном одна от другой расстоянии. К довершению счастья, Жозефина была одна с матерью, и когда он предложил ей свою руку, она ее приняла.

Ветер поутих, как это иногда бывает перед вечером, и солнце медленно склонялось к багровому горизонту, прежде чем совсем потонуло в зеленоватых и еще волновавшихся водах океана. Альфред направился через плантации в самую отдаленную часть острова. Хруст засохшей травы под ногами идущих благоприятствовал тайному душевному разговору. Альфред тихонько прижал руку Жозефины к своей груди, но ничего не говорил, а молодая девушка, трепеща всем телом, скромно потупила взор. В двух шагах за ними следовала госпожа Лабар, но либо ей вовсе не противно было особенное внимание Альфреда к ее дочери, либо она слишком следила за своей собственной безопасностью на прихотливо извивающейся узенькой и каменистой тропинке, только отстала она настолько, что не могла мешать сердечной беседе двух молодых людей.

Таким образом протекло несколько минут, прежде чем Альфред, еще новичок в любви, воспользовался благоприятным случаем начать разговор.

Наконец, преодолев свое смущение, он сказал на чистом французском наречии, которого мать не понимала, принужденно равнодушным тоном:

– Как проклинал я этих докучливых мешан, которые столько времени мешали мне поговорить с вами наедине! Между тем только о вас одной я думал, вам одной желал выказать все мое внимание и уважение... Я так вам признателен за ваше посещение! Теперь я могу надеяться, что слова любви, которые я осмелился сказать вам в наше последнее свидание, прощены мне... Вы столько же добры, сколько прекрасны!

– Не спешите отыскивать подобных причин этому посещению, – боязливо проговорила девушка. – Отказ мой мог бы подать повод к злым толкам. Притом я же должна повиноваться своей матери.

– Ах! Очаровательная Жозефина! Зачем вы не оставили меня думать...

– Впрочем, – продолжала Жозефина более твердым голосом, – я буду с вами откровенна: я без отвращения повиновалась воле матери и приличиям, придя сюда, потому что хочу кое-что сказать вам. У меня есть к вам просьба.

– Просьба! У вас? Ах, говорите, говорите.

– Я хотела просить вас подумать о том огромном расстоянии, которое отделяет Альфреда де Кердрена от такой темной и незначительной девушки, как я, и прекратить домогательства, способные возбудить злословие.

Альфред, ошеломленный ударом, с минуту молчал.

– Так вы, – проговорил он наконец с горечью и вместе с тем с досадой, – вы меня не любите?

Жозефина хранила молчание.

– В самом деле, – продолжал Альфред, воодушевляясь, – давно уже я замечал, что за вами ухаживают эти два смешных писаки, сын и клерк нотариуса... Один из двух, без сомнения, достиг...

– Один из них возбуждает во мне жалость, другой внушает мне страх, – с живостью возразила Жозефина. – Неужели вы так мало цените меня, что подумали, будто я могла сделать такой дурной выбор?

– Ну, так кто-нибудь другой, более достойный?..

– Нет, месье Альфред, – отвечала со вздохом Жозефина. – Никто не внушал мне тех чувств, которые вы подозреваете. Мне кажется, я могу даже признаться, что если бы небо не поставило нас с вами так далеко друг от друга, то, может быть...

Она остановилась, как бы сама испугавшись того, что хотела сказать.

– Ради Бога! – вскричал Альфред с жаром. – Договаривайте! Жозефина, неужели в самом деле между нами нет других препятствий, кроме звания и происхождения?

Неизвестно, какой ответ на это дала бы мадемуазель Лабар, когда позади них поднялся шум от сильного спора. То были Конан и таможенный офицер, которые, рассуждая о политике, до того разгорячились, что произвели нечто вроде скандала.

– А отчего вы полагаете, сударь, ничто не грозит ему, подобно другим господам, от этих злодеев, которые хотят разрушить королевство, истребить короля и дворянство? – вскричал Конан с необычайной резкостью. – Отчего бы и мне прийти сюда и не убить его, не сжечь его замок, как это сделали в Карнаке, у графа Кведика, или в Сен-Сорпене у герцогини, или в Динане у господина де Рандаля, великого профоса провинции?..

Собеседник насмешливо ответил что-то тихим голосом, но живое возражение Конана достаточно показывало, какого свойства было объяснение, данное таможенным офицером.

– Бедность моего господина! Унижение его фамилии! Что это значит, сударь? Святой Михаил, святой Коломбал, святой Дурлон, святой Карадек и все другие святые – наши патроны! Неужели вы дойдете до такого кощунства, чтобы допустить, будто настоящий владелец этого лена не так же благороден, как самые знатные придворные вельможи, как сам король и все принцы? Его фамилия, сударь, славилась еще задолго до пришествия Господа нашего Иисуса Христа на землю; я слышал это от прежнего балли, очень сведущего в генеалогии... А что касается его бедности, конечно, он не так богат, как бы должен быть, но если он и не владеет теперь баронством Кердренским, кастелянством Сен-Менским и леном Легонидекским, то неужто вы думаете, что он от этого понизился хоть на волос? Неужто вы полагаете, что гостеприимство его не так же искренне, вино его не так же хорошо, слуги не так же преданны, как во времена его предков?

Это воззвание к недавнему изысканному угощению, без сомнения, подействовало, потому что отвечали как будто тоном более кротким и дружеским, но что там ни говорили, гнев Конана только возрастал.

– Ваше покровительство! Покровительство госпожи Лабар, – продолжал он с негодованием. – Вот новость! А какую, сударь, он имеет нужду в вашем и в чьем бы то ни было покровительстве? Да, я знаю это. Вы – королевский офицер, вы, который должен подавать пример повиновения законам, вы посещаете шайку бездельников, которые смеются над вами, провозя у вас под носом контрабанду. Знаю также, что госпожа Лабар, раздавая деньги кабацким посетителям, которые хвастаются, что служили у ее мужа, нашла много друзей среди этого сброда, но какое нам дело до нее и до вашей шайки? Пусть они попробуют, эти каторжники, атаковать особу или собственность Кердрена! Да скажите им, что я их не боюсь! Скажите им, пусть придут... Я их вызываю!

На этом патетическом месте кто-то вмешался между спорящими, и больше уже ничего нельзя было слышать, кроме смешанных возгласов.

– Существовал ли когда-нибудь такой набитый дурак? – начал Альфред, с улыбкой обращаясь к Жозефине. – Старый бездельник желает, чтобы меня зарезали и разграбили мою собственность, потому что нынче мода грабить и убивать дворян! Что вы скажете, Жозефина, о тех понятиях, которые мой Конан составил себе о привилегиях моего состояния?

– Преданность заставляет его преувеличивать их до смешного, – сказала девушка, успевшая в продолжение этой паузы поумерить свое смущение. – Но обязанности, которые налагает на вас это звание, тем не менее священны. Особенно они запрещают вам то, что могли бы назвать неравным браком.

– Неравным браком! – невольно вскричал Альфред.

– Не это ли вы разумели, говоря мне о своих тайных чувствах? – спросила девушка, смело смотря на него.

Альфред чувствовал себя неловко, как провинившийся, но тотчас справился.

– Жозефина, – начал он с живостью, – я не хочу обманывать вас: мое имя не принадлежит мне, и я не могу располагать им по своему сердцу. Но что принадлежит мне, так это любовь глубокая, преданная, безграничная...

– Довольно, сударь, – прервала Жозефина, пытаясь высвободить свою руку. – Это – оскорбление... оскорбление, которого я не заслужила.

– Выслушайте меня, ради Бога... позвольте по крайней мере объяснить вам...

– Объяснения бесполезны! И я, – присовокупила она со слезами в голосе, – я вам верила...

– Не верьте ничему, для меня невыгодному, прелестная Жозефина, – отвечал Альфред, насильно ее удерживая. – Но здесь не время и не место для такого разговора. Согласитесь видиться со мной тайно...

– Милостивый государь!

– Завтра вечером, в саду вашей матушки в Сент-Илеке... Стена невысока, мне легко будет...

Жозефина испустила пронзительный крик, проворно вырвала свою руку и остановилась.

– Что там такое? Не ушиблась ли ты? – спросила госпожа Лабар.

– Что такое случилось? – начали спрашивать все, смущенные этим болезненным криком.

– Ничего, ничего, – лепетала Жозефина.

– Моя дочь?.. Что вы сделали с моей дочерью? – сердито говорила старая бретонка, обращаясь к Альфреду.

У него пот выступил на лбу, щеки разгорелись, он совсем растерялся.

– Я не понимаю, – бормотал он, – не могу объяснить...

– Тут одна я виновата, – живо сказала Жозефина. – Тропинка так глуха, нога моя ударилась об камень... мне стало очень больно, и я не могла удержать крика... Но это ничего, мне лучше... совсем прошло.

И она улыбнулась.

– Не вывих ли это? – наивно спросила мать.

– Хм-м, именно вывих, – прошептал Бенуа, но так, что соседи могли его слышать.

Успокоенные уверением девушки насчет последствий предполагаемого вывиха, все снова тронулись в путь. Альфред опять хотел было предложить свою руку Жозефине, но она уже шла под руку с матерью.

– Дура! Лицемерная девчонка! – шептал он в унижении и гневе. – Наделать такой скандал! Сделать меня посмешищем этих мещан, ведь они не дураки, чтобы поверить ее объяснению! Ох, если бы мог я отомстить за себя!

Глава 3

Испытание

Скоро общество пришло в небольшую долину, отделявшуюся от моря только крутым обвалившимся берегом. Почва долины была бесплодна, покрыта тростником и сухим папоротником. Между тем по ней бежал ручеек, выходящий из середины острова и с высоты берега низвергавшийся в море. По берегам этого ручейка рассеяно было несколько ив с бледной зеленью и несколько небольших кустарников. Пустыня эта имела характер особенно унылый. Ничто не напоминало в ней посещения человека; не слышно было тут другого звука, кроме шума буруна о каменистый берег, свиста ветра или глухого журчания каскада. Древние и таинственные предания жестокой друидской религии не могли выбрать места, лучше приспособленного к их мрачной поэзии.

Знаменитая Дрожащая Скала поставлена была на скате берега, в полукруглом углублении, бывшем, по-видимому, делом природы. Очень немного потребовалось сделать, чтобы преградить сюда путь любопытным. Несколько поросших мхом камней изображали еще стену там, где отлогость местности недостаточно защищала доступ, но против долины поставлена была железная решетка с водруженным наверху крестом.

Общество остановилось, и Конан попытался повернуть огромный ключ в заржавевшем замке решетки. Но пока он понапрасну напрягал все свои силы, присутствующие жадно устремили взоры сквозь железные прутья, желая скорее рассмотреть чудо острова Лок. Но там много было каменных обломков, и довольно трудно было узнать между этими гранитными массами, увитыми желтоватым дубовым мхом и часто омываемыми пеной морских волн, взбивавшихся на берег во время больших приливов, ту, которая обладала сверхъестественными свойствами. На некоторых лицах обнаружилось уже нечто вроде обманутого ожидания, между тем как другие, особенно женские, выражали какое-то неопределенное чувство, похожее на боязнь.

Несмотря на это, нотариус Туссен, ревностно исправлявший для всех и за всех свою должность чичероне, продолжал посреди собрания лекцию, начатую еще в замке:

– Да, господа, да, госпожи, и вы, сударыни-барышни, – говорил он с напряжением, – я не из тех, кто думает все объяснить; я не из тех маловеров, которые хотят все мерить тесной меркой своего ума. Я думаю, я уверен, я убежден, что галльские язычники, имеющие сношения с духами тьмы, творили истинные чудеса, и вы сейчас увидите этому самый поразительный пример... Не говорит ли нам даже сама Библия, что волхвы фараоновы творили такие же чудеса, как Моисей? Цезарь не утверждает ли в своих комментариях, что галльские феи могли делаться невидимыми и имели власть одним словом укрощать бури? Итак, я заключаю, что галльские жрецы, называемые евбеями, бардами, сенаписами или друидами, могли посредством волшебного искусства, *arsmagica*, устроить талисман, свойства которого, переходя из века в век, дошли и до наших времен. Выраженное с такой уверенностью мнение человека, на которого смотрели, как на светило страны, должно было произвести сильное впечатление на суеверные и непросвещенные умы.

– Но, господин Туссен, – спросила одна хорошенькая смуглянка с живыми глазами и резвыми манерами, – если, как вы говорите, этот талисман есть творение демонское, то не опасно ли будет нам, добрым католичкам, решаться на подобное испытание?

– Я... я не готов просветить вас по этому вопросу, – отвечал смущенный нотариус, – я не богослов...

– Подобное сомнение оскорбительно для моей фамилии, – вскричал Альфред де Кердрен с иронией. – И я не потерплю, чтобы таким образом клеветали на нашу почтенную Дрожащую Скалу. Если есть какой-нибудь грех в подобном опыте, то, стало быть, все мои бабушки и прабабушки, в продолжение – я не знаю скольких – поколений, теперь томятся в аду, потому что

в день своих свадеб они обязательно должны были доказывать здесь перед всеми свою непопорочность. Это было бы жаль, поскольку вы могли видеть по фамильным нашим портретам, что они по большей части были прелестны... Нет и нет, что бы ни говорил об этом господин Туссен или кто-либо другой, Дрожащая Скала вовсе не дьявольское творение... и поддерживать подобное мнение значило бы обнаруживать, что некоторые особы боятся испытания.

– Слышите, сударыни, – вскричал Бенуа с ядовитой улыбкой, – честное слово, это уже похоже на вызов!

– Ну, что же, мы принимаем его, – сказала девица Туссен с видом надменной скромности.

– Мы принимаем его, – повторили другие дамы.

– Все? – спросил Альфред.

– Все.

– В таком случае, тем хуже для тех, которые слишком много думают о себе! – отвечал Кердрен. – Камень не отличается учтивостью, я вас предупреждаю, но я тут умываю руки.

Эти слова произнесены были с поддельной и почти лихорадочной веселостью. После разговора своего с девицей Лабар Альфред не имел уже прежней искренней и непринужденной веселости. Движения его стали неровными, щеки покраснелись, голос прерывался. Очевидно, он не мог еще преодолеть чувства унижения и гнева, видя домогательства свои так жестоко отвергнутыми прекрасной Жозефиной.

Наконец Конану удалось повернуть ключ в замке, и дверь заскрипела на своих ржавых петлях. Лишь только проход сделался свободным, мужчины устремились в заветный круг, за ними медленно последовали женщины. По мере того, как они переходили за решетку, Бенуа, на минуту избавившись от надзора своего патрона, осматривал их одну за другой, как будто вычислял свои жертвы. Многие дамы вздрагивали, чувствуя устремленный на них холодный и насмешливый взор.

Узкое пространство, в котором теснились любопытные, покрыто было морскими растениями и загромождено, как мы сказали, большими гранитными обломками, происшедшими, без сомнения, от обвалов берега. Чудесный камень замечен был по своему уединенному положению в глубине этого ущелья, по своей огромной величине и, особенно, по своей породе. Это был черноватый базальт с плотными и твердыми зёрнами; утверждали, что более чем на двадцать лье в окружности от острова не находилось ни одного камня этой породы. Однако, по видимому, невозможно было, чтобы подобный монолит был перенесен в это ущелье одними человеческими силами, без пособия сильных машин новейшего изобретения. Он имел двенадцать или пятнадцать футов длины, семь или восемь ширины, и весил примерно от сорока до пятидесяти тысяч фунтов.

Между тем Альфред с улыбкой на губах взошел на самую высокую оконечность скалы. С минуту он, казалось, ласкал рукой ее гладкую поверхность, потом, налегши без видимого усилия на камень, сообщил ему внезапное движение, за которым почти мгновенно последовало пять или шесть медленных и совершенно ощутимых колебаний.

Хотя все были предупреждены, однако же большая часть не смогла удержать крика удивления.

Альфред еще несколько минут забавлялся, ускоряя движение Дрожащей Скалы, наконец, он оставил свое место и сказал:

– Видите, как она послушна! Каждый из моих добрых соседей найдет ее точно такой же ласковой. Вы, господа, вполне можете делать опыт: камень не имеет никакой скрытой власти над мужчинами.

– То есть, сударь, вот в этом-то я с вами и не согласен! – вскричал нотариус с жаром. – Я могу доказать вам древними и неоспоримыми документами, что камни этого рода одинаково употреблялись как для распознавания виновных женщин, так и для преступных мужчин. Но если Дрожащая Скала сохранила свое свойство в отношении женщин, то отчего же равномерно

не сохранила она того же свойства в отношении мужчин? Этот пункт надобно бы прояснить, и я очень сожалею, что с нами нет здесь крупного преступника, отцеубийцы, например, или даже просто убийцы. Очень было бы любопытно увериться...

– Вы, может быть, и правы, мой достопочтенный друг, – отвечал де Кердрен как нельзя более серьезно. – К сожалению, в нынешний раз мы принуждены оставить без ответа этот поистине интересный вопрос.

– Наука много потеряет от этого, – ворчал добряк, – но достаточно, что вы одного мнения со мною, сударь; я напишу об этом моему другу Грандену, советнику рейнского парламента, и в первый раз, как только попадется ему под руку известный злодей... да, да, весьма важно выяснять этот пункт.

В продолжение этого ученого спора присутствующие друг за другом подвергались чудесному испытанию, но, без сомнения, ни один из них не имел на совести тех ужасных преступлений, которых требовал честный нотариус, потому что камень не обнаружил ни малейшего намерения остаться неподвижным. Он не показал себя мятежным ни против таможенного офицера, ни против висельника Бенуа самых, наверное, *преступных* из всей компании.

– Теперь очередь дам, – вскричал Кердрен, когда увидел, что гости его уже утомились игрой. – Вот приближается страшный момент – берегитесь же, прекрасные изменщицы!

По этому приглашению вокруг скалы был образован круг, чтобы не мешать ее движениям. В продолжение этих приготовлений некоторые вольнодумцы смеялись исподтишка или обменивались шутками, разумеется, тоже втихомолку. Но положение женщин было совершенно иным. Хотя некоторые из них верили в тайную силу талисмана лишь условно, но многие не могли скрыть своего беспокойства. Они смотрели друг на друга, не смея, однако, выказать иначе, как взором, непобедимое отвращение, которое внушало им это столь деликатное испытание при всей публике. Только две из них, казалось, не разделяли этого общего чувства: госпожа Лабари Жозефина. Желчное и морщинистое лицо матери выражало одно неопределенное любопытство. Дочь, стараясь замешаться в толпу, сидела в отдалении, обратив лицо к морю. Она задумчиво смотрела на волны, серебряной пеной разбивавшиеся о берег.

«Как она спокойна, – думал Альфред, – увидим, надолго ли она сохранит это гордое равнодушие?»

Первой на страшное испытание отважилась девица Туссен, сестра нотариуса. Она приняла вызов, и эта честь принадлежала ей по праву. Как мы сказали, ей было, может, чуть меньше сорока. Глядя на ее длинное тощее тело, высохшие губы, тусклые, давно потухшие глаза, блекло-русые волосы, в которых местами проглядывала уже седина, естественно было подумать, что целомудрие ей ничего не стоило. Между тем и о ней похаживали слухи по поводу некоторых хвастливых клерков, сменявшихся в конторе ее брата. Правда, слухи эти имели много данных против своей достоверности, и благоразумные люди не без основания говорили: «Это клевета». Несмотря на все это, когда пожилая девственница подходила к Дрожащей Скале, заметно было, что цвет лица ее был бледнее обыкновенного.

Но это происходило, без сомнения, от девической стыдливости и робости, потому что, едва она прикоснулась к Дрожащей Скале, как та без затруднения пошатнулась и почтительно закачалась.

– Браво! Браво! – закричали присутствующие, хлопая в ладоши. – Камень сказал правду... Целомудрие наследственно в фамилии Туссенов.

– Скала не могла поступить иначе в отношении к старейшей из девиц кантона! – вскричал Альфред.

И пока девица Туссен, краснея, гордо удалялась, уступая место своим подругам, клерк Бенуа кричал и аплодировал громче и сильнее всех.

Когда первый шаг был сделан, то и другие дамы и девицы стали поочередно подвергаться щекотливому испытанию. Одни, уверенные в себе по наружности, трогали камень с видом пре-

небрежения, другие, напротив, толкали его с некоторым отчаянием. Но назло ироническому смеху и колким сарказмам, следовавшим за каждым опытом, послушный камень снова начинал для всех свои качания и колебания. Эта неразборчивая снисходительность возбудила, наконец, подозрение в большей части собрания.

– Что за дьяволыцина! – ворчал старый прокурор. – Невозможно, чтобы между столькими женщинами не было по крайней мере одной... Моя дочь еще туда-сюда! Но девица Арманда или Розетта... Камень лжет!

– Я думала, – говорила толстенная восемнадцатилетняя девушка на ухо одной своей подруге, – госпоже Ланглуа не посчастливится так, как нам. Я знаю кое-что...

– Решительно, – заключил один холостяк с громким смехом, – ваша Дрожащая Скала, господин де Кердрен, похожа на мою собачонку, которая лает на всех.

– Потерпите, господа, потерпите! – сказал Альфред, кусая губы.

Оставались госпожа Лабар и ее дочь. Мать с заметным любопытством смотрела на испытание других дам, не показывая ни малейшего желания самой принять в том участие. Что касается до Жозефины, то, продолжая спокойно сидеть в отдалении близ решетки, она едва поворачивала голову, когда раздавался шумный смех присутствующих.

Нотариус попробовал склонить госпожу Лабар последовать примеру других дам.

– Ну, что же, соседка, – сказал он по-бретонски, – не хотите ли и вы попробовать в свою очередь счастья? Никогда не представится лучшего случая доказать, что ваш покойный муж сделал хороший выбор, женившись на вас!

– Что! – отвечала старая бретонка, скорчив гримасу вместо улыбки. – И какое дело мне до вашего демонского камня? Я чту Пресвятую Богородицу и святого Михаила, с меня достаточно и этого!

Нотариус не настаивал, но хитрый Бенуа умел лучше вести дело.

– Ах, мадам Лабар, – сказал он своим веселым тоном, – знаете ли, что если вы откажетесь тронуть Дрожащую Скалу, то злые сент-илекские язычки могут вдоволь поболтать на ваш счет. Говорят, что покойный Лабар довольно долго иногда оставался в море, и что вы не всегда были в одиночестве в Сент-Илеке, когда он колотил англичан.

– Кто говорит это? – грубо отвечала вдова. – Такие же дураки, как ты, мерзкая обезьяна!

Бенуа вынес обиду со стоической твердостью.

– Слушайте же, – продолжал он, – уверяют, что один из красивейших здешних мужчин частенько приходит к вам вечером и уходит довольно поздно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.